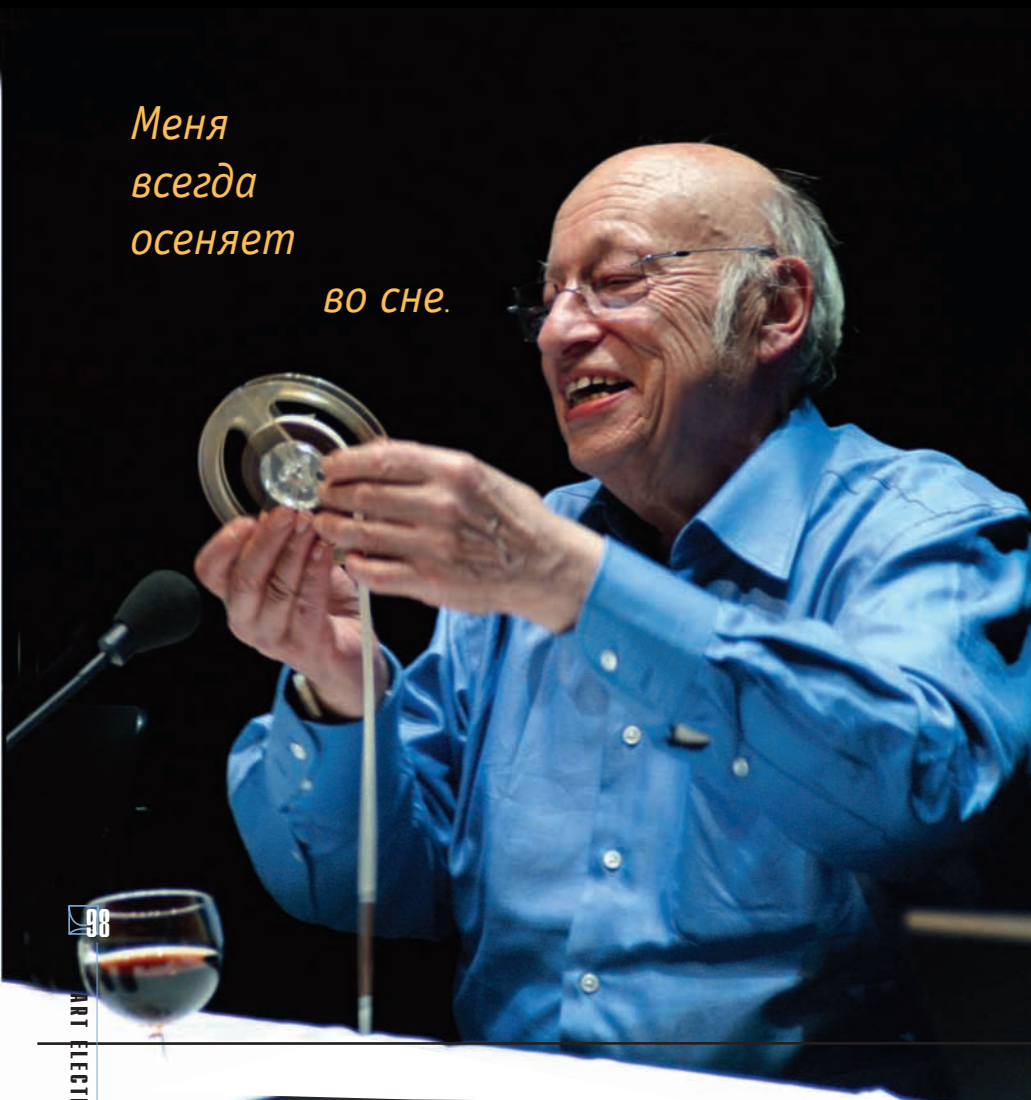

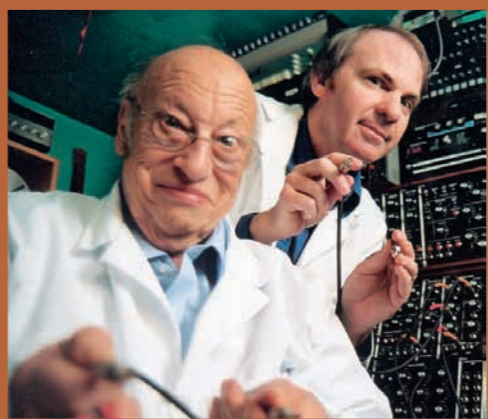
Меня
всегда
осеняет
во сне.

Макс Хаген

ЧЕЛОВЕК-СЭМПЛЕР

Жан-Жака Перре называют серым кардиналом электроники. Когда-то он решил, что экспериментальная музыка должна нести положительные эмоции. В результате получился невероятный по меркам 60-х гибрид электронных звуков и забавной поп-музыки. Что он делает теперь, можно будет услышать на фестивале SKIF-2007. А пока он рассказывает о любимых инструментах и своей чудо-карьере. И иногда попадает впросак.

☺ **Вашу карьеру можно назвать сплошной цепью удачных совпадений. Вы верите в чудеса?**

ЖЖП (Смеется): Конечно верю. Я сам творю чудеса! Главное, чтобы было вдохновение!

☺ **Откуда оно у вас берется?**

ЖЖП: Меня всегда осеняет во сне.

☺ **А как же рабочая обстановка в студии? Или вам это тоже снится?**

ЖЖП: В студии тоже неплохо. По крайней мере, сразу можно попробовать какой-нибудь новый звук. Не нужно терять время на то, чтобы донести приснившуюся мелодию до магнитофона.

☺ **Создавая свою музыку, вы сознательно старались сделать что-то новое?**

ЖЖП: Я даже не думал, что окажусь пионером в своей области. Это были чисто экспериментальные работы. Иначе говоря, я просто тестировал новое музыкальное оборудование.

☺ **Откуда в таком случае взялись элементы веселой поп-музыки? То, что вы умудрялись записывать — больше чем тестирование.**

ЖЖП: Причина проста — мои собственные инстинкты. Понимаете, я всегда хотел писать веселую музыку, чтобы сделать людей счастливее. Я даже не задумывался о том, что у меня получается. Я сочинял музыку,

Я сочинял музыку, которая отвечала моим собственным ощущениям. Сами изобретатели синтезаторов считали меня сумасшедшим.

На большую сцену музыканты, укрывавшиеся за целыми этажами синтезаторов и мотками проводов, в большинстве своем вышли в 70-х. Однако за десять лет до них скромный француз с позитивным взглядом на мир успел освоить первые электронные инструменты и поиграть на одних подмостках с Эдит Пиаф. И настоящим прорывом тогда стала музыка, которую Жан-Жак записывал в процессе тестирования аппаратуры.

Сейчас его сочинения — вроде альбома «The Amazing New Electronic Pop Sound of Jean Jacques Perrey» (1968) — кажутся наивной мультяшной музыкой, которую слушают с невольной усмешкой. Впрочем, то, что сегодня очень просто записать на компьютере с парой звуковых редакторов, в 60-х требовало огромного труда. Сэмплирование в те времена делалось по привычному теперь принципу cut & paste, причем все приходилось нарезать буквально вручную. Каждая композиция Перре — три минуты бодро вращающегося звукового калейдоскопа — это десятки звуков, сыгранных или записанных вживую, пропущенных через фильтры, прокрученных наоборот, замедленных или ускоренных. Каждый сэмпл — это кусочек магнитной ленты, иногда длиной около сантиметра. Бывшему студенту-медику Перре хватало усидчивости и терпения целыми днями нарезать сотни кусочков, склеивать их, записывать и перезаписывать по-

лучившееся. Для двухминутной версии «Полета шмеля» Римского-Корсакова было взято жужжание настоящих пчел, каждая новая нота создавалась «с нуля», а одна только нарезка ленты заняла 46 часов. Подобная работа иногда находила совершенно неожиданное применение: например, Уолт Дисней попросил Перре записать композицию, которую и в наши дни можно услышать на параде в «Диснейленде».

Сейчас Жан-Жак живет в будущем, которое сформировалось при его участии. Альбом Перре «Moog Indigo» (1970) проложил дорогу общеизвестным музыкальным направлениям *easy-listening* и *lounge*. Но мало кто знает, что Перре был одним из пионеров в музыке, которую выделяют практически в отдельный стиль. Он написал множество мелодий для телерекламы, комедий и прочего. В свои 79 Жан-Жак Перре обнаруживает ту же непосредственность в обращении со звуками, что и в молодости. Он записывает с единомышленниками альбомы игривой аналоговой музыки на огромных древних электроприборах и оформляет эти альбомы в духе детских книжек. Перре колесит по миру не только с концертами, но и с лекциями. На них он рассказывает о тонкостях работы с аналоговыми инструментами и с ножницами в руках проводит мастер-классы по обращению с магнитной лентой.

которая отвечала бы моим собственным ощущениям. Сами изобретатели синтезаторов считали меня сумасшедшим. Они говорили: эту музыку забудут уже завтра.

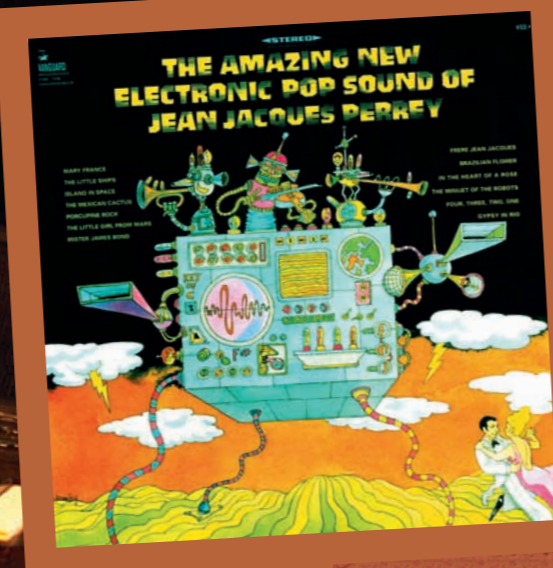
☺ **Это был вызов? Вам приходилось неделями резать пленку для сэмплов и работать с несовершенными по нынешним меркам инструментами, чтобы публика поняла, что электронная музыка может развлечь.**

ЖЖП: Несомненно. Вы даже представить себе не можете, как в 60-е воспринималась такая «музыка будущего». Но все эти звуки и мотивы постоянно вертелись у меня в голове. Имея доступ к новейшей технике, я не мог не реализовывать свои идеи. Моя приятельница Эдит Пиаф посоветовала мне не сворачивать с этого пути и разрабатывать новый стиль. Я последовал ее совету.

☺ **Как вы относитесь к экспериментаторам от *musique concrete* и музыкантам вроде Клауса Шульца? Они поставили те же самые инструменты на службу длинным монотонным композициям.**

ЖЖП: Возможности первых синтезаторов — их можно назвать электроприборами — создали поле для развития в любом направлении. Я с большим уважением отношусь к таким музыкантам. Каждый из нас знает, как тяжело было писать качественную электронную музыку в 60–70-х.

Аналоговый звук воспринимается людьми как гораздо более мягкий. Цифровой звук очень техничен, он действует на людей как электрический импульс на роботов. Звук в цифре не способен передать эмоции, которые присутствуют в звуке аналоговых инструментов.

☺ **Прошло почти пятьдесят лет с тех пор, как вы «заглянули в будущее». Что вам удалось предугадать?**

ЖЖП: Трудно говорить со стопроцентной точностью, мир музыки слишком велик. Например, я думал о музыке, которая сейчас называется хип-хоп. Однако такого направления как рэп я не ожидал.

☺ **А в электронной музыке?**

ЖЖП: Сейчас она находится на самом раннем этапе развития. Мы пока открыли только малую часть того, на что способны электронные инструменты и люди, которые на них играют. Верите ли, даже мне с моим опытом трудно сказать что-то конкретное. Все впереди.

☺ **В последнее время разворачивается соперничество аналоговых и цифровых инструментов. Чем, по-вашему, различаются аналоговый и цифровой звук? И что лучше?**

ЖЖП: Разница колоссальна. Аналоговый звук воспринимается людьми как гораздо более мягкий. Цифровой звук очень... техничен, он действует на людей как электрический импульс на роботов. Звук в цифре не способен передать эмоции, которые присутствуют в звуке аналоговых инструментов.

☺ **Откуда берутся эти эмоции? Начинка инструментов — это про вода, платы, лампы и чипы...**

ЖЖП (долго думает): Хороший вопрос — вы меня поймали... Я об этом никогда не думал. Возможно, мы уже привыкли к аналоговой музыке, все-таки она существует дольше, чем цифровая, и все дело в восприятии... Я бы сказал, что теперь электронная музыка — ребенок по сравнению с другими стилями. Но когда-нибудь она вырастет, и звучание цифровых инструментов выйдет на уровень аналоговых. Еще не решены чисто технические проблемы. Пожалуйста, пришлите мне ваш вопрос по электронной почте, я подумаю над ним за ужином. *(Через два дня пришел ответ: «Проблема цифровой музыки в том, что она слишком чи-*

ста, цифровые инструменты конструировались так, чтобы передать звуковой образ с наибольшей точностью. А человек — существо неидеальное. Поэтому идеальному звуку недостает человечности». — М.Х.).

☺ **Расскажите о своем любимом инструменте — ондиолине.**

ЖЖП: У него много особенностей. Это первый электромузыкальный инструмент, позволивший имитировать звучание всех существующих инструментов. С помощью клавиатуры можно не просто играть, но полностью управлять звуками, их параметрами, интенсивностью. На ондиолине можно было играть вибрато (*периодические изменения высоты звука* — Прим. ред.), чего не позволяли другие инструменты. Кроме того, ондиолин дает возможность контролировать «атаку» — силу звука, зависящую от резкости, с которой исполнитель нажимает на клавишу. Для 60-х это был уникальный инструмент.

☺ **В апреле вы приезжаете на фестиваль SKIF-2007 в Петербурге. Какую технику вы будете использовать на концерте?**

ЖЖП: Ондиолин в этот раз со мной не приедет. Мне придется играть на более современных инструментах. Ондиолин — такая старая, я бы даже сказал, древняя вещь, что в путешествия я его уже брать не решаюсь. Собственно, после моего последнего выезда он отказался работать, а запчасти к нему успели исчезнуть. Очень хотелось бы познакомить русскую аудиторию с ондиолоном, но сейчас это невозможно.

Зато со мной будет очень талантливый музыкант Дэвид Чезэм. Сейчас специально для нашего выступления он записывает DVD — в частности, мелодии, которые я когда-то создал при помощи своего любимого инструмента. Я буду играть в основном на современных синтезаторах Moog, а на экране вы увидите, как работал ондиолин, и услышите образцы звучания.

☺ **Расскажите, пожалуйста, о вашем нынешнем проекте с другим мастером по винтажным инструментам — Даной Кантрименом.**

ЖЖП: И Дана, и Дэвид еще молодые музыканты по сравнению со мной. Однако они очень хорошо понимают мои устремления. Помните? — я люблю писать веселую музыку, делать людей счастливыми. Дана и Дэвид мне очень в этом помогают. Я рад, что встретил их. Понимаете, сейчас всюду царит пессимизм. И я стараюсь по мере сил прививать людям позитивное восприятие мира.

☺ **А что вы думаете о современных французских группах вроде Air?**

ЖЖП: Air... Сейчас это моя любимая группа, я часто слушаю их последний альбом. Мне импонирует их музыкальный стиль — все сделано очень чисто. Air так тщательно обдумывают и реализовывают свои идеи, что в итоге довольными остаются все — и они сами, и слушатели, и другие музыканты, вроде меня. У них... очень правильное чувство электронной музыки. Я бы сказал даже, что если сравнить Air и Kraftwerk, я отдаю предпочтение первым. Kraftwerk очень интересны, но, по-моему, им всегда несколько недоставало того тонкого мастерства, которое есть у Air.

☺ **Kraftwerk делают все настолько чисто, что придаться просто не к чему. И сами они в этом уверены.**

ЖЖП: Конечно, так и есть, запись очень аккуратна. Но когда я их слушаю, они воспринимаются как-то иначе. Kraftwerk — группа концепций. И в музыке, и в идеях. Бесспорно, все сделано на высшем уровне, однако они не способны разбудить какие-то эмоции. У меня, по крайней мере. Наверное, это дело вкуса.

☺ **Может быть, вам как французу просто ближе то, что критики обычно называют «французским звуком»? И что это вообще такое?**

ЖЖП (смеется): Вот это вопрос! Air французы, я сам француз, так что, возможно, я просто лучше понимаю те гармонии и звуки, которые присутствуют в их музыке... Честное слово, я не могу точно определить, что такое французский звук. Наверное, подсознательно я больше привык к музыке французских композиторов... Пришлите мне этот вопрос тоже, я отвечу по электронной почте. Здесь есть над чем подумать. *(Ответ че-*

рез два дня: «Я так ничего и не придумал! Может быть, это просто выражение французского национализма?» — М.Х.).

☺ **Между прочим, в Советском Союзе был целый оркестр электронных инструментов под управлением Мещерина...**

ЖЖП: Ого! Впервые слышу. Похоже, я слишком засиделся в студии. Мне стоило обращать больше внимания на то, что происходило вокруг.

☺ **Вы писали много музыки для телерекламы. Хотя в то время это был очень трудоемкий процесс: километры пленки, недели настройки оборудования. Вам не казалось, что вы растрачиваете усилия впустую?**

ЖЖП (смеется): Мне просто были нужны деньги. Надо же было жить на что-то. А кроме работы с музыкой и синтезаторами, я ничего толком не умел. Конечно, это далеко не лучшие мои сочинения. И если бы мне не хотелось есть, всего этого можно было бы и не делать. Пожалуйста, не относитесь к этому слишком строго. *(Смеется еще громче).*

☺ **Французы обычно критически относятся к Соединенным Штатам. Вы же, наоборот, хвалите американскую культуру...**

ЖЖП: Здесь есть два момента. Во-первых, у меня нет предпочтений по отношению к той или иной культуре. Хорошую музыку, которая делает людей счастливыми, можно писать где угодно. Во-вторых, моя карьера в Америке — это опять-таки цель совпадения, которые позволили мне работать с тем, что мне нравилось. И в Штаты я попал как раз благодаря французским артистам, таким как Жан Кокто и Эдит Пиаф. Я жертва обстоятельств и случаев! *(Смеется)* Однако все сложилось благополучно... Мне было все равно, где работать, — хоть в Бразилии. Кстати, в тот период я слушал русских композиторов — Чайковского и Бородина. Главное — музыка. Все остальное незначительно.

☺ **Вы пишете музыку примерно так же, как ребенок, который разбирает и собирает свои игрушки. В итоге получается «детская» музыка...**

ЖЖП (смеется): Мне впервые говорят, что моя музыка «детская». И это лучшее определение из всех, что я слышал.

☺ **Как, по-вашему, должен звучать и выглядеть идеальный электронный инструмент?**

ЖЖП: Все развивается. Например, скрипка, какой мы ее знаем сейчас, появилась далеко не сразу. Потребовались столетия, чтобы появилось то, что делал Страдивари. Электронным инструментам тоже потребуются многие годы, чтобы найти звуки, которые неизвестны сегодня. Когда-нибудь, вероятно, будут изобретены инструменты, подключаемые прямо к мозгу, — люди смогут создавать музыку при помощи только эмоций. Вообще, я думаю, через пару столетий можно будет вернуться к разговору об идеальном электронном инструменте.

